

САМАРЦЫ В КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙНАХ

1669—1671 и 1773—1775 годы

Участие трудового населения Самары и прилегающего к ней района в крестьянских антифеодальных войнах имело свои закономерные причины.

Ряд изданных правительством в 80—90-х годах XVI века крепостнических законов закабалил массы крестьян и привел к резкому усилению помещичьего гнета. Феодалы вели наступление по двум основным направлениям: присваивали крестьянские земли и усиливали эксплуатацию закабаленных крестьян.

Это в результате привело к крестьянской войне 1606—1607 годов под предводительством Ивана Болотникова, в которой приняли участие и самарцы. Неурожай хлебов в 1601—1603 годах вызвал повсеместный голод в государстве, от которого страна не оправилась в течение еще ряда последующих лет. Положение самарцев, крепость которых подвергалась частому нападению кочевников и жизнь которых исключительно зависела от привоза продовольствия, было особенно тяжелым. Воевода Самары князь Д. П. Пожарский в 1614 г. писал: «...А в Самарском... всякие люди бедны и голодны, и хлебных запасов... нет ни у кого».

К середине XVII века крепостное право было окончательно оформлено юридически (Уложение 1649 г.). Помещики получили законное право расправляться со своими крепостными по своему усмотрению.

Жестокое обращение помещиков с крепостными, а также усиление их эксплуатации в погоне за увеличением товарной продукции привели к новой антифеодальной крестьянской войне 1669—1671 годов. Во главе восстания стоял Степан Разин. Самарское трудовое население, которое также разоряли растущие прямые и косвенные налоги и угнетал произвол помещиков и царской администрации, безоговорочно перешло на сторону восставших крестьян.

Прошло сто лет. В стране усиливался рост товарно-денежных отношений и обострялись классовые противоречия. Помещики, осваивая новые земли в Поволжье, переводили туда своих крестьян из центральных губерний страны. Как правило, землевладения здесь были очень большими и не соответствовали малочисленности переводимого крестьян

янского населения. Это несоответствие приводило к усилению барщины и к более жестокой эксплуатации крестьян, чем в центральных губерниях. Кроме того, в погоне за увеличением доходов помещики стали открывать промышленные предприятия, на которых работали те же крепостные крестьяне. Такие предприятия появились в Самаре и вблизи города. Эксплуатация достигла чудовищных размеров, а растущие налоги приводили к обнищанию как крестьянских масс, так и трудового населения городов.

Тяжелое положение закрепощенных крестьянских масс привело к новому классовому взрыву — к самой крупной по своим масштабам антифеодальной войне 1773—1775 годов под предводительством Емельяна Пугачева. В этой войне, получившей особый размах в Поволжье, самое активное участие приняло трудовое население Самары.

Наш краткий очерк посвящен славной странице в истории нашего города — участию самарцев в двух последних антифеодальных войнах.

1. Самарские сподвижники Степана Разина

В грандиозном крестьянском восстании, которое в 1670 году под руководством Степана Разина охватило почти всю Россию, Поволжье являлось, бесспорно, самым крупным его очагом. Именно в Поволжье формировались самые стойкие войска Разина для борьбы с царскими войсками.

Основным ядром разинских войск были бурлаки, беглые крестьяне, рабочие промыслов, а также ремесленный люд городов и посадов.

К Разину присоединялись все, страдавшие от гнета феодально-крепостнической системы, существовавшей в то время в России. К нему стекались не только русские, но также и нерусские, племена которых, населявшие Поволжье, являлись жертвой русской колонизации.

Мы не в состоянии дать всестороннюю и полную оценку участия самарцев в этом движении, так как вследствие гибели (во время пожара 1701 года) архива «Приказа Казанского дворца» сохранилось сравнительно немного документов, относящихся к разинскому движению (особенно в Среднем Поволжье), но и сохранившиеся документы бесспорно свидетельствуют о весьма широком участии их в этом движении. Особенно активно действовали самарцы в 1671 году во время вторичного похода крестьянского войска на Симбирск под предводительством Шелудяка и Константинова. Они тогда составили едва ли не основное ядро этого войска. Даже после вторичного поражения разинцев под Симбирском отдельные отряды самарцев еще долго сопротивлялись царским войскам в Самарском крае.

Исторические документы, находящиеся в Центральном государственном архиве древних актов, сообщают нам некоторые сведения о наших земляках, которые энергично поддерживали антифеодальное выступление крестьянских масс и связали с ними свою судьбу. Так, прибывший в конце августа 1670 года из Саратова в Симбирск голова казанских стрельцов Тимофей Давыдов сообщил, что «находившиеся в Саратове самарские стрельцы, в числе 200 человек, отказались сра-

жаться против разинских войск и ушли из города. Саратовские жители сдали (15/VIII 1670 года) свой город добровольно»¹.

Приведенный факт имел место еще до подхода разинских войск к Самаре. Как поступили самарские жители при подходе войск, мы узнаем из допроса жителя городка Паншина казака Кондратия: «А самарцы с ними не бились, сдавались ему... Стеньке без бою»².

В том же архиве находятся документы, сообщающие некоторые подробные сведения о самарцах, возглавивших самарскую бедноту. Так, из показаний речача выходцев из Самары содержится показание прибывшего 10 января 1671 года в Москву игумена Самарского Спасо-Преображенского монастыря Пахомия. Он сообщает, что во время его пребывания в Самаре «самаряне воровскому казаку Ромашке дали две пушки и две бочки зелья... Да к ним пристали самарские жители Мишка Нелосной с товарищи. И всего собралось их с ящиками казаки со 150 человек и служат казаки конницей, а Мишка с товарищи — пехотой»³.

Интересно отметить, что «святой отец» проявил здесь недюжинные способности разведчика.

Далее, из показания стряпчего конюха Леонтия Акишева мы узнаем, что «под Синбирском... было самарян 50 человек и конных стрельцов 40 человек.

Да с ними сотник Мишка Хомутов»⁴.

Упомянутые здесь самарские—слободские и посадские жители Самары, а стрельцы — часть самарского гарнизона, примкнувшего к Разину.

В показании симбирских посадских людей — Максима Леонтьева и Федора Чебоксаренина, данном ими в Симбирской воеводской канцелярии по возвращении из Самары, сообщается, что в Самаре «...всякое бунтовство от них, воров, да от самаренина Игошки Говорухина. Да тот же вор Игошка собрал воров самарян с полтораста человек и хотел идти под Белый Яр, чтобы белоярцев всех побить и город сжечь»⁵.

Необходимо отметить, что численность отряда Говорухина составляла 20 процентов жителей (мужского пола) Самары⁶.

Итак, из указанных документов мы знаем имена наших земляков, организовавших и возглавивших отряды самарских жителей и стрельцов, влившиеся в повстанческую армию Разина, — Михаил Нелосной, Игнатий Говорухин и Михаил Хомутов. Возможно, что этот список вождей самарской бедноты не является исчерпывающим, но другие имена нам неизвестны.

Кем были эти люди? Каковы их судьбы? К сожалению, на эти вопросы исторические документы ответа не дают.

¹ Крестьянская война под предводительством С. Разина. Т. 2, ч. 1, с. 46, док. в ЦГАДА.

² ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, оп. Белгородский стол., л. 808—813.

³ Там же, ф. Московский стол., л. 427.

⁴ Там же, л. 427—428.

⁵ Там же, ед. хр. 441, л. 433.

⁶ В том же документе указывается: «А на Самаре самарских жителей всякого чину 700 человек».

Известно только, что в «Переписной книге» Самары и Самарского уезда 1646 года, в которую вписывалось все население мужского пола (до новорожденных включительно), на странице 5-й в числе посадских жителей Самары указана и семья Говорухиных: «Во дворе Микитка Степанов сын прозвищем Говорухин и у него три сына Пронка, Игонка, Ивашко».

Не подлежит сомнению, что указанный здесь сын Игонка и есть тот самый «вор Игошка Говорухин», который спустя 24 года принял деятельное участие в крестьянской войне против угнетателей-феодалов. Дальнейшая его судьба нам неизвестна, но, по всей вероятности, он был убит под Симбирском и его труп остался неопознанным. После безуспешных розысков самого Говорухина правительство в 1674 году сослало его жену и дочь на дальний север.

О двух других интересующих нас лицах — Михаиле Нелосном и Михаиле Хомутове в «Переписной книге» не упоминается.

Михаил Нелосной также участвовал со своим отрядом в боях под Симбирском. Это, безусловно, был человек, обладавший незаурядным умом и организаторскими способностями, хотя (если верить данному ему прозвищу) и не отличавшийся внешней привлекательностью.

Значительным авторитетом и влиянием в стрелецкой среде, надо думать, пользовался и стрелецкий сотник Михаил Хомутов, перешедший со своим конным отрядом на сторону восставших крестьян и связавший с ними свою судьбу.

Между прочим, упомянутая выше «Переписная книга» дает нам заманчивую возможность предположить, что и сподвижник Разина атаман Федор Шелудяк мог быть выходцем из Самары, потому что эта фамилия (или родовое прозвище) бытовала среди жителей Самары и Самарского уезда. Так, на странице 12-й «Переписной книги» среди жителей посада упоминаются и «дети Шелудякова». Там же (с. 52) упоминается семейство Шелудяков и в числе крестьян села Рождествена.

Мы до сих пор говорили о самарцах, организовавшихся в отряды под начальством лиц из своей же среды, но всех самарцев, примкнувших к разинскому движению, было, разумеется, больше, так как многие из них вливались в казацкие отряды Леско Черкашенина, Максима Бешеного, Ивана Константинова и др.

Так, с приходом в Самару ядринского казака Ивана Константинова многие самарцы примкнули к его отрядам и влились в армию, двигавшуюся к Симбирску. Это подтверждает грамота от 15 июня 1671 года из Посольского приказа к войску Донскому с извещением о победе боярина П. В. Шереметева над казаками, пришедшими из Самары к Симбирску под предводительством атамана Ивана Константинова: «В нынешнем, в 179-м (1671) году июня в 23 день писал к нам великому государю из Синбирска боярин наш и воевода Петр Васильевич Шереметев с товарищи, а в отписках ево написано: мая в 29 день воровские казаки, собрався с Белого Яру, приходили под Синбирск, в семьдесят

¹ То есть 2 500 человек.

стругах... полтрети тысячи человек¹. Да того ж числа приходили с Самары конные и пешие с 1 000 человек с атаманом с Ывашком Костентиновым, да снизу приходили воровские казаки астраханские, саратовские, самарские жители в трех стах в семидесят стругах.

И боярина нашего и воевод и ратных людей и города Синбирска жителей в старом Синбирском городе осадили самой крепкой осадой, и июня в 9-м числе в ночи приступили жестоким приступом со всех четырех сторон с первого часу ночи¹ до отдачи часов ночных... Тех казаков, которые собрався с Белого Яру и с Самары, с атаманом с Ывашком Костентиновым приходили под Синбирск, так же и тех, которые приходили в 300 в 70 стругах, на приступах, боярин наш и воевода Петр Васильевич Шереметев с товарищи с нашими великого государя ратными людьми — многих побили и воровского атамана Ивашка Костентинова убили ж...»².

Дорого заплатили самарцы за свою братскую помощь восставшим крестьянам. Восстание было подавлено с необычайной жестокостью. В Самаре, как и в других городах, ежедневно совершались казни. «Заплечных дел мастера» истязали попавших в плен повстанцев во время их допроса в приказных избах.

В одном английском известии того времени так сообщалось о расправе, учиненной озверевшими царскими воеводами над пленными повстанцами близ города Арзамаса: «Место сие являло зрелище ужасное и напоминало собой преддверие ада. Вокруг были возведены виселицы, и на каждой висело человек 40, а то и 50.

В другом месте валялись в крови обезглавленные тела. Тут и там торчали колы с посаженными на них мятежниками, из которых немало число было живо и на третий день, и еще слышны были их стоны»³.

Самарцам, как одним из самых активных участников разинского движения, перебившим в своем городе многих дворян, помещиков, царских чиновников и офицеров гарнизона, надо думать, досталось еще больше, чем арзамасцам. Оставшиеся в живых самарские сподвижники С. Разина после мучительных наказаний были вместе со своими семьями высланы в северные окраины государства на вечное поселение.

Расправу над ни в чем не повинными семьями повстанцев не предотвратила и челобитная самарцев, которую они посылали воеводе Шереметеву 30 июля 1671 года. В челобитной они писали: «Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... на Синбирск ево царского (синклита) боярину и воеводам Петру Васильевичу Шереметеву с товарищи Самарского города всяких чинов жители челом бьют. В нынешнем, во 179-м году июня в 29 день писали вы с Синбирска к нам на Самару и прислали память с своим синбирским присильщиком, чтоб мы, самарские жители, обратились на истинну и великому государю в винах своих добили челом и прислали в Синбирск, выбрав лутчих людей человек пяти или шти⁴. И мы, боярин и воевода Петр Василье-

¹ По современному счету — в 20 ч 5 мин.

² Записки иностранцев о восстании С. Разина. Л., 1968, с. 112.

³ То есть шести.

⁴ ЦГАДА, ф. Донские дела, кн. 2, л. 106 об. — 108 об., 1671, д. 5, л. 11—12.

вич, самарские жители, великого государя премной милости ради душевно и чистосердечно, челобитчиков выбрав 10-ти человек лутчих и средних людей, пошлем в Синбирск тотчас. А синбирского присыльщика отпустили мы в Синбирск июня в 30 день и про тое нашу посылку известно будет вам от нашего посыльщика»¹.

Приведем несколько документов, касающихся ссылки оставшихся в живых повстанцев и их семей, а также семей убитых и неразысканных.

1. Грамота от 4 декабря 1674 года: «От царя и великого князя Алексея Михайловича... на Двину думному нашему дворянину и воеводе Федору Полуэктовичу Нарышкину да дьяку нашему Афанасью Зыкову... По нашему великого государя указу из Стрелецкого приказа посланы на Двину за вины царицынцев, саратовцев, самарцев разных чинов людей...

Самарцы: Пушкаръ Ивашко Чюносов, жена у него Паранька, дети: Алешка, Бориско, дочери Федорка, Танька.

Стрельцы: Гришка Суханов, жена у него Стефанидка, дети — сын Ивашко, дочери Анютка да Танька да Орька;

Еремка Потапов, жена у него Аленка, да дети Андришка да Филька да Еремка; посадкой человек Ивашко Мухин, жена у него Дунька, дети: Федька, Ивашка, Васька малы, дочь Орина да купленные две женщины Наташка да Оринка;

Самарского уезду деревни Выползовы крестьянин Микитка Иванов сын Казаринов, жена у него Дунька, дочь Оринка.

Повешенного вора Микишкина жена Кузнецова Паранька, у нее дети: сын Стенька, дочери Малашка, Маремьянка.

Несысканных воров жены: Игнашкина жена Говорухина Грунька, у ней дочь Наташка;

Ромашкина жена Волкопялова Паранька, Ивашкова жена Пастухова Огашка, у ней дети Мишка да Алешка.

А грамота великого государя и с росписью послана декабря в 4-й день»².

2. «1674 г. ноября 26. Память из Стрелецкого приказа в Новгородский приказ с распоряжением о ссылке в Архангельск, Пустозерский острог и Кевроль стрелецких голов и полуголов, участников восстания в Астрахани...» «...Сослать царицынцев Ваську Быкова к Архангельскому городу, Сеньку Жулебина в Пустоозеро, самарца Ваську Пастухова в Кевроль. И быть им в тех городах в стрельцах»³.

3. «1674 г. декабря 3. Память из Стрелецкого приказа в приказ Устюжской четверти с распоряжением о ссылке участников восстания в с. Устюг и роспись ссыльных».

4. «Лета 183-го декабря в 3 день.

По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича... указу память дьяком думному Лариону Ивановичу да Памфилу Беляшину.

¹ ЦГАДА, ф. Донские дела, 1671, д. 5, л. 3.

² Там же, ф. Приказные дела старых лет, 1674, д. 387, л. 1—6.

³ Там же, ф. 141, 1675, д. 276, л. 1—2.

Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович указал ...сослать на Устюг Великий з женами и з детьми и быть им в стрельцах... Да повешенных и не сысканных воров жен их и детей, мужеска и женска полу двадцати дву человек...

Самарцы: повешенного вора Ивашкова жена Балаки Лушка, у ней сын Микитка; Ивашкова жена Беляя Манька, у ней дочери Настюшка, Танька, Огашка, Марфутка да сноха Окулька; Мелешкина жена Пирова Оксютка, у ней дочь Ненилка»¹.

Число репрессированных самарских жителей было, по всей вероятности, значительно большим, но мы располагаем только сведениями из случайно сохранившихся документов.

2. Пугачевцы в Самаре

Бывший комендант города Самары капитан Иван Балахонцев, сдавший 25 декабря 1773 года² город без боя пугачевским войскам, «законанный в железа», выслушал зачитанный аудитором Казанского кригс-рехта (военного суда) приговор: «...По силе выписанных под экстрактом военных «118» и, по содержанию «123» артикулов со отделениями, ему. Балахонцеву, учинить смертную казнь — повесить, а за разграбленные злодеями оружейные и протчие вещи учинить взыскание из ево имуществ»³.

Так заканчивалась сентенция (определение) военного суда, приговорившего незадачливого коменданта к смертной казни.

Изучая пухлое дело военного суда над Балахонцевым, мы убеждаемся в том, что обвиняемому заранее была уготовлена роль «козла отпущения» за военно-стратегические промахи бездарных генералов царских войск. Из этого же дела мы видим, что классовый характер войны в официальных документах тщательно затушевывался. Поэтому становится понятным стремление правительства представить виновником сдачи Самары одного человека и умолчать о воле и классовой солидарности простого народа, составлявшего большинство населения города⁴.

На основании того же дела военного суда и других документов, хранящихся в ЦГАДА (Москва), мы можем теперь точно и объективно восстановить всю историю сдачи Самары пугачевским войскам.

22 декабря 1773 года небольшой отряд пугачевских войск (около 200 человек) под предводительством походного атамана Ильи Федоровича Арапова, вышедший из Бузулука и захвативший ряд крепостей по Самарской укрепленной линии, вступил в пригород Алексеевск (теперь с. Алексеевка Кинельского района). Другой отряд пугачевцев 23 декабря того же года овладел городом Ставрополем (на Волге). Самара, таким образом, оказалась отрезанной от верхних городов — Казани и

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1674, л. 385, л. 1—7.

² Здесь и в дальнейшем приводятся даты по старому стилю.

³ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 173, л. 112 об.

⁴ Там же, л. 107 об.

Симбирска, где группировались правительственные войска и откуда она могла бы получить военную помощь.

Захватив в Алексеевском гарнизоне две пушки и пополнив свой отряд местными жителями, Арапов стал готовиться к захвату Самары. Командант Самары И. Балахонцев на основании данных разведки был осведомлен о движении повстанцев к Алексеевску, но о военной силе этой группировки не имел достаточного представления. Не полагаясь на силу своего гарнизона, численный состав которого значительно уменьшился после укомплектования им корпуса полковника Чернышева, Балахонцев просил о помощи ближайшие города — Казань, Симбирск и Сызрань.

В районе Казани и Симбирска группировались крупные силы правительственных войск, а в Сызрани в это время находились эскадроны гусарского Бахмутского полка под командой капитана Краевича. Кроме того, к Сызрани приближалась 24-я легкая полевая команда под начальством майора Карла Муффеля. Краевич хотя и имел задание идти к Самаре, но под разными предлогами уклонялся от немедленного выступления к месту боевых действий. Сызранский воевода Иванов, боявшийся за свой город, вместо оказания помощи Балахонцеву отделался рекомендацией, чтобы он «той злодейской толпы в город Самару всеми силами старался не допускать и отпор от них чинить, как надлежит верному ее имп. в. рабу»¹.

Казанский же губернатор генерал фон Брант до самого последнего момента не верил в опасность, угрожающую Самаре, считая, что Балахонцев находится во власти «пустых калмыцких страхов», и предписывал ему в случае нападения на Самару «поступать по строгости военных регул»².

Пугачевцы уже заняли Алексеевск, а военная помощь Самаре ниоткуда не поступала.

Как показал впоследствии на суде Балахонцев, в его распоряжении находилось всего около восьмидесяти человек казаков и солдат. Большую часть из них составляли «престарелые и малолетные, а казаки — бесконные»³. Значительная часть боеспособных солдат и казаков была от него взята полковником Чернышевым, следовавшим к Оренбургу, вдоль Самарской укрепленной линии.

Из 16 пушек, находившихся в гарнизоне, как показывал Балахонцев, не было ни одной вполне исправной, а главное — в его распоряжении не было ни одного артиллериста (канонира)⁴.

Большая часть из имеющихся ружей (фузей) была также неисправной, а для их починки не было оружейников. Военизированный отряд самарского магистрата, состоявший из купцов и ремесленников (цехов), подчинялся только самому бургомистру Халевину. Этот отряд состоял из 170 человек, из которых вполне годных к обороне было не более 60 человек, а остальные, по словам Балахонцева, «престарелые,

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 173, л. 27, 62 об.

² Там же, л. 79 об.

³ Там же, л. 68 об.

⁴ Там же, л. 114.

малолетные и неспособные»¹. Но и на этот отряд Балахонцев не мог рассчитывать из-за ведомственных распрей с магистратом.

По мнению военного суда, Балахонцев располагал достаточными силами для сопротивления пугачевцам. При этом судом был «упущен» из вида один важный фактор — соотношение классовых сил в самом городе, делавшее сопротивление бесперспективным. Иначе говоря, была сброшена со счета воля большинства населения города, ожидавшего с нетерпением прихода пугачевцев и даже склонного к восстанию.

Рассмотрим вкратце сложившуюся тогда в городе ситуацию. Самара того времени была небольшим заштатным городом, подчинявшимся Сызрани и входившим в состав Симбирской провинции Казанской губернии. Привилегированное население в нем составляло ничтожное меньшинство. Точными данными о численности населения города ко времени начала крестьянской войны мы не располагаем, но, с достаточным приближением, можем воспользоваться данными 3-й ревизии (1781—1783 года), согласно которой в Самаре числилось 634 обывательских дома и 889 жителей мужского пола, в том числе: купцов 45 человек и мещан 467 человек². Таким образом, общее число жителей обоего пола, с учетом военнотружеников гарнизона, было не более 1700—1800 человек, в том числе дворовые люди, число которых было невелико.

Ремесленников, по данным 1768 года, в Самаре было 200 человек³. Принимая эту же цифру и на 1773 год, мы можем сказать, что она составляла 22,6 процента к общему числу мужского населения города.

В действительности же число ремесленников было значительно большим, так как вышеприведенная цифра учитывала только цеховых, то есть ремесленников, объединенных в цеха (по профессиям).

Трудовое население (в основном мещане) к общему населению города, с учетом солдат и казаков, составляло не менее 75 процентов.

Крестьянская война 1773—1775 годов была вызвана в основном характерным для России XVIII века ростом эксплуатации крестьянства (в связи с ростом в стране товарно-денежных отношений), то есть увеличением барщины и оброка, доводивших крестьян до полного обнищания и разорения, а также изданием законов, усиливающих власть помещиков и низводящих крестьян до положения рабов. Положение городской бедноты было лишь немногим легче. Простой народ Самары также страдал от произвола властей и чиновников. Его душили непомерными подушными податями и налогами и отягощали рекрутскими наборами, увеличившимися в связи с турецкой войной.

Недород в 1773 году по ряду центральных и поволжских губерний тяжело отразился и на самарской бедноте. Все это вместе взятое и определяло ориентацию самарских жителей на Пугачева, манифесты которого, обещавшие освобождение от всех «отягощений», волю и свободу, безусловно, проникали в Самару. Истинное соотношение сил и безнадёжность сопротивления Балахонцеву стали ясными, когда, согласно

¹ ЦГАДА, ф. 1974, л. 5 об., 6.

² Там же, ф. 248, оп. 4313, л. 120—121.

³ Там же, ф. 291, оп. 1, д. 15127, л. 86.

традиции того времени, он произвел проверку готовности населения к обороне города.

Колокольной тревогой жители города были подняты на ноги, вышли из своих домов целыми семьями, без всякого оружия, собрались на валу земляной крепости и, весело переговариваясь, смотрели в степь, откуда ожидалось появление пугачевцев. Их разговоры между собой, как показывали на суде Балахонцев и свидетели, не оставляли никакого сомнения в том, что все они на стороне повстанцев.

Об этом же настроении самарских жителей указано в рапорте от 4 декабря 1773 года и побывавшего в Самаре капитана Бутримовича, который писал, что в Самаре бедный народ с нетерпением ожидает прихода Пугачева, «чтобы им грабить богатых»¹.

Кроме того, в Самаре в это время находилась большая партия (более 300 человек) переселенцев («посельщиков») и ссыльно-каторжников («колодников»), направлявшаяся в Сибирь. Она представляла собой для городской власти большую угрозу, так как было совершенно ясно, какую сторону она примет в случае военного столкновения с пугачевцами.

Попытка Балахонцева отправить партию обратно в Казань, откуда она прибыла, не увенчалась успехом. Оскорбленный таким нарушением субординации, недальновидный губернатор Брант (который, по словам Бибикова, «перепакостил здешние дела») вернул ее обратно в Самару и тем самым сыграл на руку пугачевцам².

Хороший стратег и полководец Илья Федорович Арапов, избегая напрасных жертв и кровопролитий, решил взять город военной хитростью. Его идея заключалась в психологическом воздействии на коменданта города, с тем чтобы внушить ему мысль о бесполезности сопротивления. Для этой цели было решено послать в город человека, хорошо знакомого самарцам и пользующегося у них полным доверием, для распространения слуха о большой военной силе противника. Эту миссию добровольно принял на себя небогатый купец житель Алексеевска Антон Коротков. Попутно он получил задание «разведывать о тамошних распоряжениях и о мнении самарских жителей».

Прибыв в Самару под видом беженца и распространяя преувеличенные сведения о военной силе отрядов Арапова, Коротков блестяще справился с порученным заданием, стоившим потом ему жизни³.

Впоследствии, оправдываясь на суде, Балахонцев говорил о Короткове, что он «по знаемости ево купечеству и протчим и за шпиона признан не был, а единственно — за верноподданного»⁴.

Напуганный сообщением Короткова, изверившийся в получении военной помощи, опасавшийся восстания городской бедноты, Балахонцев, взяв с собой наиболее боеспособных солдат и казаков, двух офицеров и трех казачьих старшин, прихватив также 10 пушек, порох и денежную

¹ Пугачевщина. Т. II. М.-Л., 1929, с. 385.

² ЦГАДА, ф. 1214, оп. 1, ед. хр. 173, л. 103, 103 об.

³ По доносу попов он с приходом царских войск был повешен.

⁴ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 173, л. 83.

казну, в ночь на 25 декабря тайно покинул город¹. Со своим отрядом численностью в 65 человек он направился через село Рождественно и деревню Малая Рязань к Сызрани на соединение с гусарскими эскадронами капитана Краевича. Того же числа, по сигналу Короткова, рано утром пугачевские отряды вступили в город и были с восторгом встречены самарскими жителями².

Таким образом, со взятием Самары и крепостей Самарской укрепленной линии большой хлебный район, по которому пролегалли пути снабжения яицкого казачества приволжским хлебом, оказался в руках Пугачева.

Самара как стратегически важный опорный пункт для проведения военных операций в Среднем Поволжье и сама по себе имела для обеих воюющих сторон большое значение, а крепость Алексеевск являлась своего рода ключом как к крепостям Самарской линии, так и к крепостям Закамской черты.

Арапов рапортовал в военную походную коллегию Пугачева: «Сего декабря 25 числа, со всею вверенною мне командою в под город Самару подошел, ис коего города все жители вышел ко мне навстречу, со святыми образами, с молением встретили и без всякого бою и пролития крови, его императорскому величеству³ покорились и всем собором в Соборной церкви, по прочтению манифеста, молебное о здравии его императорского величества пение произвели...⁴».

Остановившись на квартире в доме майора Племянникова, Арапов принимал там всех приходивших к нему «на поклон». Разумеется, в первую очередь на поклон к нему поспешили прийти все те, кто трепетал за свою шкуру: попы, купцы, чиновники магистрата, отставные офицеры и т. п.

С приходом пугачевцев среди лиц привилегированных сословий воцарился животный страх за свою жизнь. Потеряв всякое человеческое достоинство, они буквально пресмыкались перед пугачевским атаманом, всячески доказывая ему свою «преданность». Сколько благородного негодования и презрения к ним сквозит в рапорте Арапова, посланном из Самары Пугачеву: «При сей случившейся радостной вашего императорского величества окаяни, от изверженных и недостойных к вашему величеству рабов, которые бесчувственно ослепясь, сами себя отреклись, собрано разных сортов кусу и других подобных вещей, при сем... с приложением регистра: посылается...»⁵.

Далее следует любопытный реестр продуктов и вещей, посылаемых Пугачеву в дар от «отцов» города, причем три головы сахара бургомистр Иван Халевин посылал от себя лично.

Эта же боязнь за свою жизнь заставила самарских попов устраивать торжественную встречу пугачевцев с крестами и иконами.

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 173, л. 13 об., 14, 115 об.

² Там же, л. 14 об.

³ Как известно, Пугачев выдавал себя за императора Петра III.

⁴ Пугачевщина. Т. 1, 1926, с. 87.

⁵ Там же, с. 87.

Одним из первых на поклон к Арапову явился не успевший удрать из города поручик Ставропольского батальона Илья Щипачев, который двумя месяцами раньше действовал против пугачевцев в районе Красносамарской крепости. Щипачев подал «высокоблагородному и высокопочтенному господину атаману и верноподданному Его Величества рабу Илье Федоровичу покорнейший рапорт», с указанием количества солдат в его роте и с приложением их именного списка¹.

Большую помощь Арапов получил в Самаре со стороны находившихся здесь переселенцев и арестантов. Один из энергичных переселенцев сызранец Семен Никитич Владимирцев организовал из них большой отряд, влившийся в армию Арапова. Об этом факте Арапов указал в своем рапорте Пугачеву: «... оных же поселян от него Володимерцова в команду мою принято триста семьдесят человек, в том числе годных к службе его величества — сто три человека»².

Далее события развивались следующим образом. Отряд Балахонцева, следовавший к Сызрани, остановился на ночлег в селе Печерском, где встретился с 24-й легкой полевой командой майора Муффеля, включившего отряд Балахонцева в свою команду. Объединенные отряды под общей командой Муффеля взяли направление на Самару.

Хорошо поставленная разведка Арапова своевременно информировала атамана о движении к Самаре отрядов царских войск. Арапов стал принимать энергичные меры к встрече противника. К обороне города были привлечены и казаки гарнизона, оставленные Балахонцевым. В своем приказе от 27 декабря казачьему атаману Арапов указал: «...Надлежит означенным отставным нерегулярным и малолетным казакам (от чего боже сохрани), если от тех злодеев нападение будет, то б сколько есть в наличных к службе его величества и какое при них оружие, со всем оным выходить, егда ударит сполох у церкви Вознесения господня...»³.

Доказывая свою «преданность» пугачевцам, бургомистр Иван Халегин как глава магистрата по своей инициативе стал организовывать отряды из самарских жителей («наряжать народ») для борьбы с правительственными войсками.

Отряды из переселенцев и самарских жителей были наскоро вооружены ружьями, оставшимися в гарнизоне после бегства Балахонцева, а также ружьями и пистолетами, собранными у населения. Кроме того, для их вооружения было очень быстро налажено изготовление пик, которых за несколько дней изготовили около 300 штук.

29 декабря 1773 года объединенные отряды под командой Муффеля подошли к селу Рождествено и тут узнали, что Самара находится в руках пугачевских войск. Рано утром отряды стали переходить Волгу, рассчитывая под прикрытием снежного бурана захватить город врасплох. Но этот план не удался. Они были замечены дозорными

¹ Пугачевщина. Т. I, с. 86.

² Там же, с. 87.

³ Там же, с. 86.

Арапова, поднявшими тревогу. В городе забили в набат, и защитники его сбежались на берег.

Конные отряды Арапова двинулись по льду Волги навстречу наступающему войску и ударили в его левое крыло, состоящее из конных казаков. В ожесточенной схватке казаки были опрокинуты. Видя это, Муффель бросил на левый фланг из резерва роту конных драгун, которые неожиданной лавиной налетели на утомленную конницу Арапова и отбросили ее к городу.

При приближении царского войска к городу оно было встречено сильным огнем из расставленных на берегу 8 пушек. Конная лавина драгун, промчавшись через заградительную зону огня, врзалась в пещие отряды защитников города, но была встречена шквальным ружейным огнем. Завязалось ожесточенное сражение драгун с пугачевской пехотой. Только после ввода Муффелем в бой отрядов егерских стрелков защитники города были вынуждены уступить превосходящей силе противника и покинуть город. Шедшие на помощь к Арапову отряды калмыков подошли с некоторым запозданием и повернули обратно. Арапов, потеряв пушки и понеся большой урон в живой силе — пленными и убитыми — отступил к Алексеевску. Большие потери понесли и отряды Муффеля.

31 декабря 1773 года рапортом главнокомандующему А. И. Бибикову Муффель доносил, что «...от города их злодейская пехота чинила крепкий отпор.: беспрерывно производила оружейный огонь... Но хотя оные сильно и супротивлялись, однако... были разбиты и захвачены... Злодеев же тех.: хотя и побито довольно число, однако за великим снегом и метелью которых трупы заносило, никак исчислить было невозможно; да и здешними обывателями многие трупы были покрадены...»

Вступив в Самару, на занятие которой были истрачены все боевые запасы, Муффель очутился как бы на положении блокированного: все находящиеся вблизи города селения были охвачены огнем восстания, да и жители города не скрывали своей враждебности. Он запросил Бибикова о срочной присылке «какой-либо ни есть легкой полевой команды. Все в Самаре жители более оказывают суровости, нежели ласки...»¹.

Ввиду наступивших морозов тяжело отражалась на жителях Самары проведенная Муффелем реквизиция у них зимней одежды (шуб, чулок и варежек) для своей армии.

5 января в Самару прибыла 22-я полевая команда под начальством подполковника Гринева, вместе с которой со специальным заданием прибыл поручик лейб-гвардии Измайловского полка Г. Р. Державин (впоследствии известный русский поэт).

Из письма атамана Арапова от 4 января 1774 года к командиру калмыцкого отряда мы видим, что пугачевцы не оставляли надежды с получением достаточного подкрепления захватить Самару обратно. Но этой надежде Арапова не суждено было осуществиться. Вышедшие

¹ Пугачевщина. Т. III, с. 15—19.

из Самары в Алексеевск царские войска пришли туда раньше, чем подкрепление Арапову. 7 января у пригорода Алексеевска произошло сражение правительственных войск под командой Гринева с войском атамана Арапова (около 2000 человек), закончившееся полной победой Гринева. В этом бою принимал участие и Г. Р. Державин, описавший его в письме к Бибикову.

В своем походном журнале Державин записал, что после победы над пугачевцами жители Алексеевска — почти все отставные гвардейские солдаты, принимавшие участие в бою на стороне пугачевцев, «в страх другим» были выпороты плетью «на ограде церковной при собрании народа»¹.

Пугачевцы отступили к Красносамарской крепости, а затем, пройдя последовательно крепости Борскую, Сорочинскую и ряд других, направились к Бузулуку².

В Самаре начались допросы, пытки и расправа над пленными. Жители города также не ушли от наказания. Они были согнаны на площадь, и многие из них «в страх другим» были жестоко наказаны плетью. После этого им был зачитан манифест императрицы от 29 ноября 1773 года, лживо обещающий помилование всякому, кто явится добровольно с раскаянием.

В письме к Бибикову от 5 ноября 1774 года Державин сообщал, что «по публикации милосердного всемилостивейшей государыни манифеста нет еще здесь ни единого, кто бы пришел и принес свою повинность; но паче на глазах всех жителей видна унылость, не соответствующая усердию верных рабов всемилостивейшей нашей государыни».

Одновременно в этом письме Державин высказывался против публичного наказания жителей плетью, выражая твердую уверенность, что этим нельзя «протчих привести на раскаяние»³.

В фондах ЦГАДА хранятся записи допросов самарских жителей, проведенных Державиным по специальному заданию Бибикова «исследовать тамошних жителей, для чего они бунтовщиков встретили со крестами и нет ли какой у них связи с злодеями и единомыслия»⁴.

Первыми были допрошены самарские попы, устроившие, по требованию народа, торжественную встречу пугачевцам. Они все были признаны Державиным виновными в «укреплении бунта в народе» и, по его совету, одобренному Бибиковым, отправлены в Казанскую секретную комиссию. Содержать их под арестом в Самаре Державин боялся, как бы не подложить «в волнуемый народ, обольщенный разными коварствами, сильнейшего огня к зловредному разглашению, что мы, наказуя попов, стесняем веру»⁵.

¹ Г. Р. Державин. Сочинения. Т. 6. СПб., 1871, с. 470.

² Биография замечательного человека и полководца Ильи Федоровича Арапова обрывается на дате 22 марта 1774 г., когда происходило крупное сражение с пугачевцами под крепостью Татищев, в котором он принимал активное участие.

³ Г. Р. Державин. Сочинения. Т. 5, 1869, письмо 4:

⁴ Там же, т. 6, 1871, с. 470.

⁵ Там же, т. 5, 1869, письмо 4.

В числе допрошенных Державиным самарских жителей в списках значатся: бургомистр Иван Халевин, депутат Данила Рукавкин, чиновники магистрата Яков Овчинников и Григорий Шапошников, несколько купцов, ремесленники Алексей Чумаков и Степан Анчуркин, отставные военнослужащие Степан Стрекин, Петр Хопренинов, Алексей и Андрей Углицкие и др.

Некоторые из перечисленных не были активными участниками пугачевского движения (например, Халевин и Рукавин) и стояли на других классовых позициях, но скомпрометировали себя в глазах правительства своими действиями из-за страха за свою жизнь.

Захватив Самару, правительство очень боялось потерять ее вновь, поскольку хорошо понимало ее значение как удобного опорного пункта в борьбе с повстанцами. Для усиления правительственных войск военная коллегия 15 января 1774 года потребовала от войска Донского присылки в Самару казачьего полка. Прибывший в январе в Самару во главе 23-й и 25-й легких полевых команд генерал Мансуров, считая, что меры наказания, предпринятые Гриневым, недостаточны для укрепления тыла, вновь возобновил и ожесточил расправу.

В своем рапорте Бибикову он докладывал, что 4 февраля им произведено наказание батогами «из самарских жителей разного звания людям» за встречу Арапова и за другие «неважные преступления»¹.

После расправы над жителями их привели к присяге и отобрали у них подписки в том, что впредь они будут пребывать «в непоколебимой верности законной государыне», а также, чтобы впредь никаких сношений «ни тайно, ни явно с злодейскими шайками изменника и самозванца Пугачева — не имели...»².

Расправа с военнопленными (особенно из бывших военнослужащих царской армии), разумеется, была еще более жестокой. В этом случае применялись не только батоги и плети, но также многие виды изощренных истязаний и мучительной казни.

Бибиков, имевший от императрицы Екатерины широкие полномочия, часть из них, как, например, определение меры наказания, передал генералу Мансурову. В письме к Державину от 10 января 1774 года Бибиков писал: «О наказании пойманных злодеев, для устрашения прочих; отдал я на рассмотрение генерала Мансурова, которому предписал, чтобы некоторых, по важности дела, из злодеев повесить, а других пересечь, ибо всех казнить будет много, хотя они изменой и ополчением своим против войск ее императорского величества то и заслужили»³. О «подвиге» генерала Мансурова на попрание палача красноречиво свидетельствует хранящееся в ЦГАДА «Саратовское дело».

Наказанием шпицрутенами с проведением сквозь строй в тысячу человек двенадцать раз (наказуемый не мог остаться жив) Мансуров

¹ ЦГАДА, ф. 6, л. 438, л. 66.

² «Русский вестник», кн. 7. 1872, с. 20.

³ Г. Р. Державин. Сочинения. Т. 5. 1869, письмо 5.

нередко заменял казнь приговоренным к виселице, обставляя эту замену как смягчение наказания «по милосердию ее императорского величества».

По распоряжению другого палача, генерала Райнсдорпа, в 53 населенных пунктах, расположенных по Самарской укрепленной линии, в том числе в Самаре и Алексеевске, были сооружены для казни виселицы, глаголи и колеса. Такие же виселицы и глаголи были понастроены и во всех помещичьих владениях Самарского края, где озверевшие феодалы творили суды и расправу над своими крепостными.

Так закончилась незабываемая самарская страница из общей истории героической борьбы народов нашей страны против жестокого гнета крепостничества.

Крестьянская война 1773—1775 годов хотя и окончилась поражением восставших, но она расшатала основы крепостнической системы, пробудила самосознание угнетенных народных масс России и подготовила их для дальнейшей борьбы за свободу.